

Н. В. Серов
**Человек как проблема: культурологический
анализ интеллекта**

УДК 001.2: 8

Вербальное цветообозначение является языковым знаком целостной системы «внешняя среда — интеллект», в котором закодирован, с одной стороны, определенный смысл (онтологически идеальное), а, с другой — соответствие обозначаемой краски предмету (материальному). На базе этой модели показано воспроизводимое, т.е. научное соответствие между компонентами интеллекта (дифференцированными по гендеру духом, душой, телом) и хроматическими документами мировой культуры.

Ключевые слова: цветообозначение, хроматизм, «атомарная» модель интеллекта, гендер, дух, душа, тело.

N. V. Serov. The Person as a Problem: the Cross-Cultural Analysis of Intelligence

Color terms are language signs for a complete system «environment — intelligence» which code, on the one hand, a certain sense (the ontologically ideal) and, on the other, correspondence with a designated paint-object (the material). This model allows to show reproducible, i.e. scientific correspondence between components of intelligence (spirit, soul, and body which are gender-differenciated) and chromatic documents of world culture.

Keywords: color terms, chromatism, reproducibility, «atomic» model of intelligence, a gender, spirit, soul, a body

*Тайна заключена не в научных теоремах,
а в научном горизонте.*

Михаил Хеллер

Введение

Вообще говоря, цветообозначение, как любое другое вербальное выражение, оказалось языковым знаком целостной системы «внешняя среда — интеллект», в котором закодирован, с одной стороны, определенный смысл (идеальное), а с другой — соответствие обозначаемой краски предмету (материальному). Вместе с тем возникает вопрос о том, каким образом цветовые сублиматы (то есть характеристические признаки архетипических представлений о внешнем мире) могли сохраниться на протяжении последних столетий, если Европа пошла по пути индивидуализации и отказа от цветовых канонов традиционных культур.

В качестве возможного ответа на этот далеко не тривиальный вопрос можно рассмотреть позиции христианства, которое определяло путь культурного развития европейской мысли, с одной стороны, опираясь на традиции иудаизма, а с другой — вводя в культурные установки новый религиозный феномен — СЛОВО, которое в его абсолютизации непосредственно отождествляется с Богом (Иоанн 1, 1). Преимущественная религиозность женщин, а также постоянно отмечаемая в дифференциальной психологии их оптимальная способность к вербализации позволит нам далее сформулировать хроматический принцип относительного детерминизма в понимании таких сфер нашего разума, как дух, душа и тело.

В отношениях между компонентами этой триады можно обратиться к ее богословской интерпретации, в которой, согласно Писанию «душа и дух могут разделяться» (Евр. 4:12). При этом «сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Кор.15:44), но «дух плоти не имеет» (Лк. 24:37–39) и «возвратится к Богу, Который дал его» (Еккл.12:7), ибо «Бог есть дух» (Иоанн 4:24).

Практически об этом же говорит и сцена Благовещения (Лк.1:35) и разграничение контекста в таких оборотах, как «душевность женщины» и «духовность мужчины», поэтому далее мы можем сопоставить «дух, душу и тело» с релевантными компонентами интеллекта как репрезентативно ‘мужественный дух’ и ‘женственные душа и тело’. Да и по Оригену (185–254 гг.), «Адам символизирует Дух, а Ева — Душу». Об этом говорит и митрополит Иерофей: «Душа — это не частица Бога, но действие Пресвятого Духа, Кото-

рый сотворил и создал душу, однако сам не стал ею. Изойдя, этот Дух не сделался душою, но сотворил душу; не сам преложился в душу, но создал ее. Ибо Дух Святой созидателен и он принимает участие и в создании тела, и в создании души». Другое важное обстоятельство, выделяемое святыми отцами, заключается в том, что тело не может существовать без души, равно как и душа без тела. Создавая тело, Бог тотчас же создает и душу, о чем пишет Анастасий Синаит: «Ибо не было ни тела прежде души, ни души прежде тела». Как размышлял П.А. Флоренский, земля одновременно и порождает, и погребает, значит, рассматривается как материнское лоно, из которого люди выходят и куда возвращаются. Отсюда выражение «мать сыра земля» [15, с. 361].

При этом в отличие от мужской (искусственно-социализированной) женская (природно заданная!) душа неразрывно связана с телом, в чем мы сейчас и убедимся. Так, помимо поведенческих реалий, на которых мы остановимся далее, и/или конфуцианской традиции (женственная категория Инь — и черная, и белая) о природной неразделимости души и тела женщины, в отличие от делимости духа и тела и/или души и духа, говорит и христианская традиция. Так, Иоанн Дамаскин, возражая Оригену, афористично подчеркивает, что «тело и душа сотворены в одно время, а не так, как пустословит Ориген, что одна прежде, а другое после». Душа не существовала прежде создания тела, но создается вместе с ним: «Ибо Он не ставит душу до или после тела, но вместе с его возникновением создается и она» [9, с.102].

О женственной неразделимости души и тела в N-условиях говорят и индексы социального статуса, играющие для женщин более значительную роль, чем для мужчин (*поскольку мужчины утверждают себя в своих делах, а женщины — в том, как они выглядят и что о них говорят*). Это же подтверждает и множество экспериментальных и эмпирических данных, на анализе которых мы остановимся ниже.

При выявлении проблематики Homo sapiens нам придется кратко рассмотреть и светские соотношения между 'душой', 'духом' и 'телом'. Для этого элиминируем гносеолого-психологическую яму «сознания» и обратимся к классическому по-

нению «интеллект», которое прагматики XX века сузили до когнитивных. Сравним представление интеллекта со стадиями его развития по Пиаже: все весьма четко выделенные Пиаже стадии характеризуются свойствами каких-то нечетко определяемых «структур интеллекта», весьма далеких от каких-либо неделимых составляющих элементов. Аналогично этому во многих областях психологии практически все интерпретации сводятся к констатации потребностей, активности, деятельности и других функций и свойств психики и/или «сознания» без четкой привязки к каким-либо неделимым составляющим элементам этого «сознания».

Вспомним, что уже Г. Айзенк [1, с. 119] призывал отказаться от этого понятия и рассматривал «интеллект» с выделением триады совершенно различных концепций: 1) биологический интеллект, 2) культурные факторы психометрического интеллекта, измеряемого обычными тестами IQ, и 3) социальный интеллект. При этом *«было бы гораздо продуктивнее, с научной точки зрения, изучать и измерять все эти различные составляющие порознь, а не смешивать их в неоправданно сложной концепции “сознания”»*.

Именно из-за сложности этой концепции первой ступенью для создания релевантной классификации путей познания может выступать системно-функциональная модель личности, основанная на фактах мировой культуры и представленная триадой «природное — культурное — социальное» с безусловной доминантой социального при нормальных условиях существования общества. В самом деле, среди наиболее существенных функций человека принято выделять три наиболее общие (включающие в себя производные от них): социальная, культурная и биологическая. Проведенный нами анализ памятников мировой культуры показал, что *обобщения человеческим разумом всегда осуществлялись на трех уровнях представления информации*: сознательном (красный цвет светофора — запрещающий), подсознательном (красный — «любовь») и бессознательном (красный — возбуждающий). В цвете культуры были представлены цветовые коды, релевантные данным уровням архетипической модели интеллекта (АМИ) «атомарного» типа.

Информационная модель гендерных отношений показала, что известное подразделение интеллекта по гендерным функциям со-

гласуется с цветовыми канонами, которые тысячелетиями фиксировались и воспроизводились различными культурами независимо от каких-либо миграционных влияний (К. Леви-Стросс). С этих позиций и рассмотрим доминантность каждого из компонентов интеллекта по гендеру (репрезентативно обозначая его полом) и сопоставим с семантикой ахромных цветов, по которым была построена наиболее простая — с позиций ее информационного объема — «атомарная» модель интеллекта АМИ.

Согласно методологии хроматизма, сформулируем релевантные тезисы, которые попытаемся *обосновать строго воспроизводимыми документами мировой культуры*: разум человеческий, т.е. интеллект, моделируется тремя компонентами (и/или онтологическими «хром-планами» АМИ): социальность сознания (Mг), эстетика подсознания (Id-) и природно-базовые функции бессознания (S-). С этих позиций и рассмотрим доминантность каждого из компонентов интеллекта по гендеру, репрезентативно обозначая его полом¹. Поскольку воспроизводимость — сущностный атрибут науки, то доказательство приведенных тезисов и является целью настоящей работы.

Сознание

Сознание — (Душа, рассудок, социо, рацио, белый цвет, Mг-план АМИ) — произвольно осознаваемые функции социальной обусловленности, вербального мышления и формально-логических операций при рациональном «понимании» и операциях с цветами, опредмеченными в каких-либо знаках и/или в словах (в науке, философии и т.п.). К примеру, как замечает Иммануил Кант [7, с. 1091], *человеческий рассудок дискурсивен и может познавать только посредством общих понятий*. Или, по определению Леви-Стросса [8, с.291], *«осознанные модели (как их обычно называют, “нормы”) являются самыми бедными (из всех возможных), поскольку в их функции входит обоснование верований и обычаев, а не объяснение их основ»*.

---

¹ Гендер, т.е. психологический пол, по моим оценкам, соответствует паспортному (физиологическому) в 85 % случаев.

Согласно Гегелю [4], «душа есть нечто *всепроницающее*, а не что-то существующее только в отдельном индивидуе» и, *вообще говоря*, «душа есть сознание». Или, как пишет А.В. Гулыга [5, с. 243], Гегель не против рассудка, который представляет собой общую почву для науки и обыденного сознания, дающего гарантию того, что область науки открыта для всех; но подлинная наука выходит за пределы рассудка. Ее сфера – разум, и проследить проникновение духа в эту сферу — задача, которую ставит перед собой автор «Феноменологии». По Г. Шпету же, философам и психологам не удавалось найти «седалище души», потому что его искали *внутри*, тогда как вся она, душа, *вовне*, мягким, нежным покровом облекает «нас», с чем вполне согласуются и выводы М. М. Бахтина: «...душа может находиться между людьми. Возможно даже *единение душ*».

Так, почти во всех мифологиях женщина в белом (Великая Мать-богиня) являлась подательницей благ, высшей мудростью, охранительницей традиций. Даже сегодня, к примеру, кавказские женщины сохранили национальный костюм как повседневную одежду, следуя в нем колористическим традициям прошлого¹. К характерным *свойствам женского сознания* могут быть отнесены материнство, миролюбие, рассудочность, восприимчивость к воспитанию и обучению, лучшие вербальные способности, эмоциональная теплота, инстинктивная готовность к контактам и многое другое.

Женщина всегда была *хранительницей традиций (прошлого)*, дома и очага, обладала лучшей социальной адаптацией и много меньшей (чем мужчина) криминогенностью. Психологам хорошо известны и прекрасные способности женщин к вербализации, обучаемости и т.п. Да и понятие душевности, включающей и альтруизм, и социальную потребность жить «для других», как правило, соотносится с женщиной.

Все эти качества понятны и доступны любому социализированному человеку в той же степени, что и *белый цвет*. Например, в египетской мифологии Нехбет (богиня царской власти) неизменно

---

¹ Мужчины этих же селений практически полностью сменили национальный на костюм европейского типа и надевают национальную одежду только как праздничную, обрядовую, да и то далеко не повсеместно [11].

изображалась в белой короне и наделялась эпитетом «белая». Да впрочем, и во всех без исключения традиционных обществах с белым цветом соотносились такие свойства человека, как сознательное исполнение долга, социальная сплоченность, сохранение традиций, всеобщая осведомленность и память [19; с. 22–24]. Так и Платон в рассуждениях о душе человеческой («Федр» 253 d) наделил белым цветом женственно совестливую ее часть, которая чтит законы, традиции и нравы общества. Для моделирования этих функций обратимся к цветовым концептам. По данным В. Тернера, Д. Заан и множества других исследователей традиционных культур, *«белизна не только служит знаком социальной сплоченности и традиции, но и вообще символизирует все явное, очевидное и открытое... Белизна — это цвет всеобщего сведения, публичного признания, означающего соответствие «тому, чего ожидает общество от своих членов, а общество хочет взаимопонимания и мира...»* Согласно концепции Тернера, белые предметы могут символизировать как мужские, так и женские объекты, в зависимости от контекста или ситуации. Или, как это конкретизируется в хроматизме, в зависимости от нормальных или экстремальных условий. Основное социальное значение *белого* осталось практически неизменным — цвет мира, примирения, перемирия, партийной и внешнеполитической нейтральности — принят во всем мире с одинаковым значением (флаг парламентария — белый). Таким образом, символическое значение белого флага вполне согласуется с семантикой белого цвета — традиционность, мир, социальность. «Белое дело» — те традиции и культура, за сохранение которых боролись Деникин, Врангель, Марков, Колчак, Кутепов, Каппель и многие-многие другие достойные люди России.

Поскольку слово поэтов включает в себя имманентность сущности, то обратимся к их творчеству. «Белый цвет — символ воплощенной полноты бытия» [2, с. 201]. Об ассоциации «беспредметности» и «снега» ср. выводы [16, с. 455]: *«Тихо летаю в беспредметной ясности, подобной снегу. [...] завиваюсь вьюгой по зимам [...] Кроткая беспредметность — моя стихия. Таков снег»* (Белый). Как реплику на эту символику ср. ответное письмо Блока: *«Спасибо тебе за снежное забвенье...»*. Или: *«...Ветра порывы...*

Безмолвия звонкие... / Катится белым забвеньем река...» (Иванов); «...Но всё, что в пурпур облекалось, / Шептало белые слова...»; «...Девушки бледные руки, | Белые сказки забвений... /... Таяли белые башни... / Белые башни уплыли, / Небо горит на рассвете. / Песню цветы разбудили — / Песню о белом расцвете...» (Блок).

В самом деле, все цвета выгорают «со временем», превращаясь в белесоватые и белые, так же как само время все более и более уходит в прошлое, превращается в «память человечества». В «не-тающие снега былых времен» Франсуа Вийона. Или, как мы читаем у Рильке: «Как одиноко все и как бело // ...забыв о времени, — оно ушло». Или, как это выразил Борис Пастернак: «И все терялось в снежной мгле // Седой и белой». Или, как поет Юрий Шевчук, «Белая река, капли о былом...».

Для большинства культур белый цвет — это знак добра, чистоты, невинности, веры, признак истины. В исламской символике белый цвет также очень любим и почитаем, он является символом святости и достоинства и любимым цветом Пророка. Этот цвет используется в ритуальной церемонии — умершего заворачивают в белый саван; мусульмане совершают обход вокруг Священной Каабы, облачившись в белый ихрам [12].

В обычных условиях существования общества белизна всегда служила символом женских качеств. «Белорукая» — эпитет только женских божеств. В конфуцианстве Инь — белая, стихия металла, женственная душа [6, с. 432]. У Платона мойры (богини человеческой судьбы) во всем белом. «Покрыта белою чадрой, / Княжна Тамара молодая / К Арагве ходит за водой» (Лермонтов). Среди белых видений явно преобладают женские образы, как это отмечает А. Ханзен-Леве: «Белая Женщина, объект мистико-эротического или экстатического, в хлыстовском духе, поклонения, все более тяготеет к исключительно земной интерпретации или по крайней мере приобретает земные, а у Городецкого — прямо-таки фольклорные черты» [16].

При этом мотив {бел}, от «белый», связывают с дионисийско-хтоническими символами на {ел}: «т-ел-о», «хм-ел-ь» или «вес-ел-ый» вплоть до мифического «Леля», высшей же точкой этого ряда становится действенная как в семантическом, так и в фонетическом

отношении эквивалентность слов «бел-ый» и «леб-едь»; лебедь как символическая белая птица обитает и в промежуточном мире раннего символизма, и в мифопоэтической сфере природы: «...И, беспощадная, коварно / Везде стоит на страже Ночь, — /... / И где-то белое сияет, /... / И женщин белых восклицанья / В бреду благовестят — про что?..» (Иванов); «...Белело тЕЛо, белое, как хмЕЛЬ / Кипучих волн озерных. / Тянул, смеясь, весЕЛый Лель / Лучи волосьев черных...» (Городецкий); «Как пряма и как строга, / Как стройна и как бела! / Белизну ты где взяла? / Пред тобой серы снега...»; «...Я любил твое белое платье...» (Блок); «...Ты вспомнил ту нежность, тот ласковый сон, /.../ Когда подходила Ты, стройно-бела, / Как лебедь, к моей глубине...»; «...Я Белую Деву искал — /.../ Я Древнюю Деву искал...»; «...И луч сиял на белом плЕче, /.../ Как белое платье пЕЛо в луче...»; «...И маску белую дала / И светлое кольцо...». «Как плавных волн прилив под пристальной луной, /... / Былою белизной душа моя бела...» (Иванов).

Томас Манн в романе «Доктор Фаустус» называет фату «белым саваном девственности». Весьма близкую коннотацию можно видеть и в грузинской свадебной песне: «Сшили белое платье Тамаре-деве, / Посадили на белого коня Тамару-деву...». «Добродетельная жена... виссон и пурпур — одежда ее» (Прит. 31: 22). «Невеста Агнца в виссоне» (Откр. 19: 8). Итак, белый цвет обозначает как отсутствие, так и сумму цветов. Поэтому во множестве ритуалов, согласно классической схеме всякой инициации, белый символизирует и смерть, и возрождение. Практически это свойство белого связывается многими исследователями и с его холодной женственностью, и с традициями прошлого, и др. У Мишеля Фуко мы встречаемся даже с интеллигентно «белым безразличием к автору».

В староитальянском *bianco* указывало на светлый облик, бело-снежную кожу и обычно светлые волосы: *bella e bianca* — распространенная характеристика красавиц в куртуазной поэзии XIII–XV вв.; *Isotta dalle Blanche Mani* Белорукая Изольда. Вне поэтического контекста возможно то же сочетание в приложении к черноволосым: *Le donne sono belle e bianche, con capelli neri e risplendenti*. 'Женщины красивы и белокожи, с черными, блестящими волосами' [10, с. 251].

Итак, 'белый' репрезентативно связан с женским сознанием в Н-условиях существования.

Вообще говоря, уже XII в. куртуазной любви впервые после гностиков II и III вв. начинает превозноситься духовное и религиозное достоинство Женщины¹. По мнению многих ученых, вдохновляла трубадуров Прованса арабская поэзия Испании, прославлявшая женщину и внушаемую ею духовную любовь. Но необходимо также учитывать кельтские, восточные и гностические элементы, которые были вновь открыты или переосмыслены в XII в. Почитание Святой Девы, доминировавшее в ту эпоху, тоже косвенно освящало женщину.

В русской культуре 'белый' может выступать как постоянный эпитет, маркирующий положительные свойства и людей, и предметов: 'белая' (о девушке) — хорошая, своя, наша (там же), 'белая береза' — хорошее, любимое дерево. Сема 'хороший' содержит целый ряд фразеологизированных номинаций с термином белого цвета. К числу дериватов относится *наименование женщины 'белянка'* («светловолосая или белолицая») [10, с. 133–135].

Постоянное упоминание белого цвета как маркера женственности встречаем в Калевале: *«В платье чистое одета, / В одеянье белой ткани; / Ткёт одежду золотую, / Серебром всю украшает»* (8: 1); *«Видишь, милая девица! / Я ль тебе не говорила: / Не ходи ты петь у елей, / Ты не пой на дне долины, / Не сгибай так гордо шею, / Белых рук не открывай ты, / Белой груди не кажи ты, / Стройным станом не хвались!»* (19: 3); *«Чистая с тобой девица, / Ясная с тобой в союзе, / Белая в твоём владенье»* (24: 1); *«Там все женщины надели / Что ни есть прекрасней платья, / Головы их в украшеньях, / Белые на них платочки»* (46: 2).

Итак, краткое рассмотрение известной семантики «души» и/или «сознания» ('рассудок', 'социо', 'рацио', 'белый цвет', 'Мт-план АМИ') позволяет дать следующее определение: *сознание*

---

¹ Как отмечает М. Элиаде, во многих гностических текстах Богородицу называют Мистическим Безмолвием, Святым Духом, Мудростью. «Я Мысль, обитающая во Свете прежде всех веков. Я действую в каждом тварном существе... Я — незримое Одно во Всем...» (цит. по: Elaine Pagels. *The Gnostic Gospels*, p. 65 sq.). В гностической поэме «Гром. Совершенный Ум» некая сила провозглашает: «Я первая и последняя... Я жена и дева... Я мать и дочь», и т.д. (ibid., p. 66) [17, с. 98].

— произвольно осознаваемые функции социальной обусловленности, вербального мышления и формально-логических операций при рациональном «понимании» и/или операциях с цветами, опредмеченными в каких-либо знаках и/или в словах (в науке, философии и т.п.).

Подсознание

Подсознание — (дух, Ид-план АМИ — серый цвет¹) — частично осознаваемые функции культурной обусловленности и воображения как образно-логических операций эстетического, т.е. внепрагматического «восприятия» беспредметных цветов (в игре, искусстве, сновидениях, творчестве и т.п.). По Канту, эстетическое познание — особая сфера между чувственностью и рассудком. Логика бросает упрек чувственности в поверхностности, единичности знаний. Обратный упрек рассудку — в сухости и абстрактности [5, с. 116], поэтому-то «прекрасно то, что познается без посредства понятия» [7, с. 115].

С другой стороны, согласно гегелевскому определению, *«дух есть система движений, в которой он различает себя в моментах и при этом остается свободным»*. Или, по Г. Шпету, *«природа просто существует, душа живет и биографствует, один дух наличествует, чтобы возникать в культуру, ждет, долготерпит, надеется, все переносит, не бесчинствует, не перевозносится, не ищет своего... Дух — источник всяческого, в том числе и любви»*. К.Г. Юнг называет это свойство «самость» и выделяет его как центральный архетип: самость «включает не только сознательное, но и бессознательное психическое бытие... самость является центром суммативной целостности, подобно тому, как Эго есть центр сознательного разума... самость является нашей жизненной целью, так как она есть заверщенное выражение той роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью». По Леви-Строссу же [8,

---

¹ Гегель: «Я в природе представляет собой совершенно бесцветный свет, и то, что я являюсь лишь самим по себе и ничем другим, то, что я не завишу ни от чего другого, это есть свобода человека, <означающая>, что он может абстрагироваться ото всего, даже от жизни и ото всего объема сознания» [4].

с. 211], «подсознание – хранилище воспоминаний и образов, которые каждый индивидуум накапливает в течение жизни».

Легко показать, что репрезентативного «мужчину»¹ характеризует *творческая (креативная) способность*, называемая обычно уже не душевностью, а духовностью. Ибо, как замечает В. Франкл, «в сфере человеческой духовности есть также то, что можно назвать подсознательной духовностью. Необходимо, впрочем, уточнить, что мы понимаем под подсознательной духовностью такую, неосознаваемый характер которой заключается в отсутствии рефлексивного самоосознания при сохранении имплицитного самопознания человеческого бытия»².

Именно эта — практически незаметная — идеальная потребность мужского познания и есть потребность в овладении новым, неизвестным ранее в культуре и обществе³. Современные юноши проводят за компьютерными играми много больше времени, чем девушки; игровая зависимость же констатируется более чем в 95 % у мужчин, хотя часть ученых и высказывает мнение, что в последнее время все более и более возрастает удельная доля женщин [29], по моим данным, составляющая до 10–15 % от всех игроков.

В зависимости от контекста эту игровую зависимость и/или потребность принято назвать духовным и/или идеальным, и/или не опредмеченным, то есть теми свойствами интеллекта, которые мы соотносим с подсознанием и обозначаем в формальной записи как Ид-план АМИ. *Подсознание мужчины* характеризует и азарт игры (хобби, охоты, рыбалки и т.п.), и фанатизм «болельщиков» (спортивный, религиозный, шовинистический, националистический фа-

---

¹ Речь в хроматизме неизменно идет о гендере и, следовательно, около 15 % женщин могут обладать «мужественными» характеристиками интеллекта, т.е. доминантами подсознания в N-условиях.

² «Самопознание экзистенции является не сводимым ни к чему прафеноменом. Экзистенция может познавать сама себя, но не свое собственное самопознание. Познание этого последнего — так сказать, самопознание в квадрате — должно разворачиваться в высшем измерении по отношению к исходному самопознанию» [14, с. 96].

³ «...женщины склонны сохранять привязанность к личным и конвенциональным взаимоотношениям... Мужчинам, которые в меньшей степени лично привязаны к социоцентрическим взаимоотношениям, легче принимать вселенский и постконвенциональный взгляд («большую картину»), и потому больше мужчин, чем женщин, добирается до постконвенциональных моральных стадий (даже когда о женщинах судят на основании их собственных критериев и шкал ценностей)» [13, с. 248].

натизм¹ и др.), что наглядно демонстрируют казино и/или стадион и/или политиканы-мужчины. Итак, у «мужчины» существует незаметно ‘серая’ доминанта подсознания (Ид-плана АМИ). Какие же концепты серого цвета документированы?

Мифологии практически всех традиционных культур утверждают, что человек создан из глины, грязи, пепла или праха земного. Еще Авраам говорил: «... я, прах и пепел». Ибо: «Создал Господь Бог человека из праха земного» (Быт. 2, 7; 18, 27). И ведь до сих пор «человек» во многих языках это мужчина. И одежды современного мужчины — серые, из пепла и праха... «Было большое сетование у Иудеев, и пост, и плач, и вопль; вретнице и пепел служили постелью для многих» (Есф. 4: 3). «Авраам сказал в ответ: вот я решился говорить Владыке, я, прах и пепел» (Быт. 18: 27) «Я превращу тебя в пепел на земле пред глазами всех видящих тебя» (Иез. 28: 18). «Серый кардинал» — человек, правящий незаметно, за спинами красных, белых и т.п. И только потом — по прошествии времени, то есть в прошедшем времени — выясняется его истинная роль. Серый же — это время настоящее. Или, как в «Зеркале», понимается, отражающем только настоящее время, Борис Пастернак упоминает тень с ее серыми полутонами настоящего: «Там книгу читает Тень». Или, как говорит Иосиф Бродский тоже о зеркалах — с их принципиально неразделимым настоящим: «Там в моде серый цвет — цвет времени и бревен».

Пауль Клее рассматривал «серый цвет как начало и источник любого пути, помещая в центре схемы своего мироздания серое вещество мозга. Мозг расположен в центре мира, но как бы внеположно, трансцендентно ему, — серое вещество мозга как главное действующее лицо наименее двигательльно активно и в тоже время именно оно является источником и конечной целью всех движений человека». Возьмем, к примеру, триаду ахромных цветов и увидим, что серый цвет действительно является лишь границей между белым и черным. И если белое моделирует материнское прошлое, а черное — женственное будущее, то серый цвет и представляет собой некую неуловимую границу между ними. Или, как отмечал

---

¹ Гегель об этом говорит так: «Если человек духовен и дух свободен, то во всем, даже в том, что предстает как неблагоприятное, заключается дух, свобода» [4].

Юнг, «современен лишь тот, кто полностью осознает настоящее ... современный человек всегда вызывает вопросы и подозрения — так было во все времена, начиная с Сократа и Иисуса». Касаясь этой неуловимой границы, сравнение ее цветовой номинации с концептуализацией в художественных произведениях позволило нам обратиться к первоисточникам, т.е. к античным авторам, и убедиться, что не все так просто, как это показывает формально-логическая интерпретация единства концептов. Да и с мифопоэтической точки зрения А. Ханзен-Леве считает соответствия, связывающие все со всем, мировой сетью [16, с.85]: «...В тверди сияюще-синей, / В звездной алмазной пыли, / Нити стремительных линий / Серые сети сплели...»; «Воплощение небытия в бытие, придающее последнему призрачность, символизирует серый цвет» (А. Белый). Итак, серый проявляет творческие черты общемирового подсознания. Временной аспект этого сублимата — незаметное настоящее.

Да и археологи называют серый цвет керамики «цветом смены времен», так как вместе с красным он предшествует возникновению каждой новой культуры. Согласно выводам Андрея Белого, *серый — это время настоящее*, ибо, как и незаметное подсознание творцов, является проявлением гениальности, опредмечивающей настоящее. Сегодня же именно незаметно-серый цвет характеризует костюм процветающих бизнесменов, как об этом пишут практически все ученые и/или отмечают модельеры с акцентированием именно творческого характера их бизнеса¹.

Именно подсознание с его образно-логическими представлениями, воображением и творческими открытиями занимает жизнь творцов. История мировой культуры свидетельствует, что лишь

---

¹ По данным Ульриха Бера, *серый костюм — самая популярная форма одежды. Он говорит об исполнительном, стремящемся к успеху и уверенности в завтрашнем дне, мужчине*, т.е. костюм серых тонов характеризует процветающих бизнесменов, которые не могут не жить в незаметном настоящем, что и сегодня позволяет связать 'серый' цвет с маскулинной составляющей творческого подсознания. См., например: *серые мужские костюмы Armani, крутые серые автомобили Aston Martin, etc, etc* [21; 25]. Любопытную психоаналитическую трактовку серого цвета приводит М. Пастуро. Так, анализируя сказку о Красной шапочке с позиций З. Фрейда, он усматривает *какую-то непонятную чисто мужскую настойчивость серого волка съесть сначала бабушку и лишь потом полакомиться Красной шапочкой* [27, р.171–172].

женщины с маскулинными и мужчины с фемининными чертами характера были способны создавать шедевры¹. Об этом хорошо пишет историк Эрик Хобсбом: «*Вопрос о том, почему знаменитым модельерам, отсутствие у которых навыков к анализу ни у кого не вызывает сомнения, неоднократно удавалось лучше предвидеть формы будущего, чем профессиональным аналитикам, — один из самых неясных вопросов истории, а для историков культуры — один из главных*». Частично это проясняет В. Франкл [14, с. 99]: «...дух оказывается неререфлектирующим сам себя, так как его ослепляет любое самонаблюдение, пытающееся схватить его в его зарождении, в его источнике».

С идеологией серости связаны и маркеры реалий незаметно-серого цвета седины и/или серого вещества (мозга). «*Серый цвет говорит об уме, усиленном серой сединой мудрости*» [22, с. 178]², при этом «*наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности. (Их не замечают, потому что они всегда перед глазами.) Подлинные основания исследования их совсем не привлекают внимание человека. До тех пор, пока это не бросится ему в глаза. — Иначе говоря: то, чего мы не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным*» [3, с. 131].

Интересны замечания Е.В. Рахилиной о семантической связи сублимата *серый* с концептом 'незаметный' [10, с. 29–39]. Для серого цвета, например, в современном ирландском языке основным цвето-обозначением является *liath* мэнкс. *Iheeah*, обладающее широким семантическим спектром от темно-серого до бледного (характеризует облачное небо, темную окраску животных, волка, барсука, лошади, а также седые волосы, серый цвет металла, ткани, асфальта и проч.). Др.-ирл. *liath* обладало семантикой 'серый' в разных нюансах значений, а также традиционно употреблялось в значении 'седой'. Как существительное имело значение 'старик', но также 'пелена, покров' (видимо, сохраняя связь с близким и.-е. корнем); см. также анало-

---

¹ Поэтому известные рассуждения феминисток (абсолютизирующие пол и не учитывающие гендер) кажутся совершенно беспочвенными.

² Строго говоря, седина серебристая – цвет, который принято считать блестящим серым.

гичную семантику у др.-исл. *jolr* 'бледный, блеклый', но также 'скрытый от света, незаметный' [10, с. 239].

На уровне прекрасных метафор это отмечено и в Калевале, где в мире одушевленных образов серых тонов постоянно встречаются лишь *собаки, ястребы и щуки*, т.е. создания, агрессивные по своей природе, которые и в других традициях часто сравнивались исключительно с мужским началом¹.

Таким образом, подсознательная сфера интеллекта как творческое подсознание (доминирующее обычно в интеллекте мужчин-творцов) моделируется серым цветом (Ид-планом и цветового тела, и интеллекта), соответствующим незаметности настоящего времени, и сводится к умению опредметить, т.е. выразить вовне те архетипические характеристики природы и/или культуры, которые активизируются в процессе творческой сублимации либидо.

Бессознание

Бессознание – (тело², С-план АМИ – черный цвет) — принципиально неосознаваемые *биологические* функции природно-генетического кодирования информации и непроизвольно-биологической обусловленности «ощущений»³ цвета, (например, по типу «обобщения» спектральных цветов на уровне сетчатки), проявляющиеся в телесных ощущениях, в цветовых феноменах ВНС, в аффектах, в сексе, в экстатических состояниях религиозности и т.п.

---

¹ Отсюда становится понятным и тот факт, почему всегда и везде «*преступность — это проблема в первую очередь мужская*». М. Элиаде постоянно говорит о религиозном символизме и мифо-ритуальных сценариях с участием волка (ритуальное превращение в дикое животное, мифы о происхождении кочевых народов от хищников и т.п.) см. *Les Daces et les loups* (1959, переизд. в: *De Zalmoxis à Gengis-Khan*. Payot, 1970, pp. 13–30) «Первым предком Чингисхана был серый волк, посланный с небес, избранный судьбой; его супругой была белая лань». Так начинается «Гайная история монголов». Цит. по: [17, с. 261].

² Тело, бессознание — связанный с неосознаваемой обработкой информации компонент интеллекта как психофизиологический коррелят нейронных (гр. *neuron* — нерв), соматических (гр. *soma* — тело), гуморальных (лат. *humor* — жидкость), гормональных (лат. *harmao* — возбуждаю, двигаю) и других базисных свойств интеллекта, обеспечивающих его гомеостаз. Ибо изучать тело вне души и/или духа, как и обратно — душу и/или дух вне тела — можно, вероятно, лишь в морге, а мы изучаем жизнь.

³ Уже на уровне сетчатки глаза происходит обработка информации, независимая от высших отделов головного мозга [18; 26]

Как заключает Леви-Стросс [8, с. 31], «бессознательная умственная деятельность состоит в наделении содержания формой <...> переход от сознательного к бессознательному сопровождается восхождением от частного к общему». А что может быть более общим, чем природа интеллекта? Не зря же ученый подчеркивает: «...между бессознательным и подсознательным нужно установить более четкое различие, чем это принято в современной психологии»¹.

В древних обществах черный цвет обозначал некое бессознательное состояние, «затмение» сознания, смерть, обморок, сон или тьму, ибо как белый свет дня сменяется чернотой ночи, так и сознание сменяется бессознательным господством сна. Вместе с тем конфуцианство усмотрело в этом цвете символику мудрости и знания, наделяя именно черным цветом «женственную категорию Инь». В рассуждениях о душе человеческой Платон (Федр, 253 d) наделил черным цветом именно эту, бессовестную ее часть, которая (вопреки традициям общества) неистово добивается своих низменных желаний. Нередко в мифах черный цвет сопоставлен с опасной, inferнальной стихией, с иррациональностью и непознаваемостью будущего времени, с мистическим влечением к женскому лону (Песн. 1: 4): «Дщери Иерусалимские! Черна я, но красива...». Еще Виктор Гюго и Рихард Вагнер отмечали прямую близость черного цвета и материнского начала (рождение из черного и ночь как мать зарождения). Практически об этом же говорит Освальд Шпенглер: *В изначальные времена женщина — это также и*

---

¹ И далее (Там же, с. 211) ученый подчеркивает: «Подсознание, хранилище воспоминаний и образов, которые каждый индивидуум накапливает в течение жизни, в этом случае становится одним из аспектов памяти. Благодаря одним и тем же свойствам подсознательные воспоминания непреходящи во времени и ограничены, поскольку они потому и называются подсознательными, что их нельзя вызывать по своей воле. Напротив, бессознательное всегда остается пустым, лишенным образного содержания, или, точнее, оно имеет такое же отношение к образам, как желудок к находящейся в нем пище. Бессознательное является инструментом с единственным назначением — оно подчиняется структурным законам, которыми и исчерпывается его реальность, нерасчлененные элементы, поступающие извне: намерения, эмоции, представления, воспоминания. Можно сказать, что подсознание — это индивидуальный словарь, в котором каждый из нас записывает лексику истории своей индивидуальности, и что бессознательное, организуя этот словарь по своим законам, придает ему значение и делает его языком, понятным нам самим и другим людям (причем лишь в той мере, в какой он организован по законам бессознательного)».

провидица, не потому, что она знает будущее, но потому, что женщина будущее и есть.

Карл Густав Юнг также утверждал, что для древних натурфилософов символом тела была дева. Колдовство всегда считалось женским делом. Вообще говоря, магию как функцию женского бессознания уже Фрезер называл «черной нитью». Аналогичное мнение высказывал и Юнг: *«Русалки представляют собой еще инстинктивную первую ступень этого колдовского женского существа, которое мы называем Анимой. Известны также сирены, мелюзины, феи, ундины, дочери лесного короля, ламии, суккубы, заманивающие юношей и высасывающие из них жизнь... Боялись этих существ настолько, что даже их впечатляющие эротические повадки не считались главной характеристикой. ...Анима консервативна, она в целостности сохраняет в себе древнее человечество».*

«Унылой стаей к нам выходят женщины, / Все в черных покрывалах. / Что стряслось могло? / Неужто нынче в доме горе новое?» (Эсхил «Хозфоры»). И сам хаос, по А. Ханзен-Лёве [16, с. 479], предстает черным и бездонным, потому что в нем слиты рождение и смерть, и архаичным, довременным (*древним*), потому что в нем нет ни времени, ни пространственных координат. *«...Это — хаос. В хаос черный / Нас влечет, как в срыв, стезя. <...> С громом близок голос музы, / Древний хаос дружен с ней. / Здравствуй, здравствуй, лик Медузы, / Там, над далью темных дней»* (Брюсов). Почернение (*nigredo*)... воплощает черная женщина (как темная *«umbra Solis»*, триумф женского начала. У Блока символический черный означает прежде всего отрицание и аннигиляцию некоего бытия, в самом общем виде отождествляемого со световым миром.

Многие народы считают черный цвет символом таинственности, тьмы, несчастья, разрушения, уничтожения, смерти, ужаса и ада. В христианской традиции черный — это цвет траура и трагедии. В исламе черный цвет, напротив, обладает особым статусом — это цвет Священного камня Каабы, цвет одежды и знамени аббасидских халифов; для тюркских народов этот цвет означал силу, величие и могущество. В некоторых источниках сообщается о том, что на Пророке была черная одежда в день завоевания Мекки. Антиподом черного цвета принято считать белый — как символ бор-

бы Добра и Зла, Света и Тьмы. В Исламе Тьма не противопоставляется Свету, а находится с ним в причинной связи. Темнота — это одеяние ночи, тень — это творение солнца. Аль-Фараби писал: *«В каждом цвете скрывается отсутствие другого цвета, но присутствие белого цвета — не от отсутствия черного»* (Цит. по: [12]).

«Черный ящик» — термин кибернетики, означающий тот факт, что мы ничего не знаем о его содержимом, — почти так же, как и о будущем. *Черный — символический цвет небытия, хаоса, той самой «тьмы», в которой нет ни частицы божественного прасвета* (А. Белый). *«Надо служить беспощадному Богу, / Богу тревоги на черных путях»* (Н. Гумилев). *«Но братья мои неверны, как поток, как быстро текущие ручьи, которые черны ото льда, и в которых скрывается снег»* (Иов. 6: 15–16). Ибо «черная неблагодарность» — противоположность принятому в белом социуме обычаю благодарить за какое-либо действие.

«Дщери Иерусалимские! Черна я, но красива, как шатры кидарские, как завесы Соломоновы» (Песн. 1: 4). В конфуцианстве Инь — черная, стихия воды [10, с. 432]. И как не вспомнить здесь о социализирующей белизне материнской женственности в ее контрасте с этой абсолютно непознаваемой чернотой асоциальности сексуса. Или, как находим у Бальмонта: *«...Бездонность сумрака, неразрешенность сна, / Из угля черного — рождение алмаза. / Нам правда каждый раз — сверхчувственно дана, / Когда мы вступим в луч священного экстаза. / В душе у каждого есть мир незримых чар, / Как в каждом дереве зеленом есть пожар...»*; *«...Черный уголь — символ жизни, а не смерти для меня: — / Был Огонь здесь, говорю я [“го-во-рю” и “го-рю”]: ассоциация вербальной и материальной знаковости], будет вновь напев Огня. / И не черный ли нам уголь, чтоб украсить светлый час, / Из себя производит ярко-праздничный алмаз...»*.

Итак, алмаз и уголь — только две формы проявления одного и того же элемента. Алмаз воплощает полную дематериализацию и сублимацию, уголь имплицитно воплощает абсолютную материальность *mas-sa confusa* земного начала. Именно в этом смысле сердце конгруэнтно углю, а алмаз — душе и визуально-визионерской «прозрачности» [16, с. 280]. Принадлежность ночи к женскому началу дока-

зывают и следующие строки, выявляющие также, что под звездным севом — в духе формулы «ночи» — «очи» — понимаются видящие и увиденные глаза, украшающие, «усеивающие» мантию девы Ночи: «...*Ты видишь — мантия ночная / Пространством ниспадает с плеч...*» (Белый). Ассонанс «ночь — дочь» переносит акцент с материнской женственности ночи на невестинскую, у Блока указывающую прежде всего на темную и подсознательную природу его обличий Софии. Хлыстовский мотив облачения в белые ризы — аналогичные ортодоксальному покрову девы Ночи — соединяет символику «надевания» одежды и символику «привлечения» духа или объятий Софии. Последняя — одновременно сестра, дева и мать, а если говорить апофатически, — одно око, одна тьма: «...*Ризы длинные белей / Херувимских нежных крылий. / Ах, в объятиях у ней / Сонмы девственные лилий... / Загадай и скройся в ночь, /... / Выйдет северная дочь...*».

С Матерью-Ночью часто связаны «глубина» и бездонность («бездна») — то есть черты изначального хаоса, которые воспринимаются сразу и как деструктивно-пугающие, и как архаически-креативные. В духе мифопоэтической этимологии «без-дна» соотносится с «днем», как если бы бездне было присуще «отсутствие дня». Во всяком случае, как замечает А. Ханзен-Лёве [16, с. 364], язык ночи — герметический, шепчущий, скрытный. Чернота связывает ночь с (черной) землей, порождающей и погребаящей глубиью теллурического («лоном» и «пещерой» в одном), материнские свойства которой соотносятся со свойствами ночного мира. В этом отношении ночь — поле или сад, где прорастают (световые) семена дня, либо возрожденной души: «*Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь (...)* *Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь / Шушит про таинства возврата и возмездья, (...)* *По небу черному плывущие созвездья*» (Волошин); «...*Бессонный ключ в ночи пещер/... / На высотах шумящий кедр!..*» (Иванов); «...*О Ночь-садовница / и щедрым садом / Раздвинула блужданий зыбкий лес...*» (//, 391); «...*Нисходит Ночь, / И с черного неба...*»; «...*Виноград бывает черный / Оттого, что Ночь черна, / хоть бросает в сад уЗОРный / ЗЕРна звездные она...*» (Бальмонт). Итак, рассмотренные

выше данные позволяют заключить, черный сублимат непосредственно связан с общемировым бессознанием женщины.

К бессознанию принято причислять интуицию, которая большей частью характеризует женщин в быту, — в отличие от мужской, чисто профессиональной интуиции. По данным различных исследователей, женщины имеют явное преимущество (по сравнению с мужчинами) в сфере проявления эмпатии. Как отмечается в психологии личности, потребность в аффилиации (межличностном общении и стремлении быть в обществе) связана с высоким уровнем эмпатии. Экспериментальное изучение этой потребности выявило, что у женщин она выражена сильнее, чем у мужчин. При этом, по мнению Грэйс Крэйг, многие из отличий между мужчинами и женщинами генетически обусловлены. То есть черный цвет самым тесным образом связан со скрытой энергией природы¹. И, безусловно, с энергией женственной природы человека, его бессознания. Как отмечает Элизабет Бремон, «черный это цвет нашего бессознания, то есть всего того, чего мы не знаем сами о себе» [19, р. 72, 84].

Да собственно, что говорить о «непознаваемости “женской” и/или генной логики», если мы только-только подступаем к формулировке законов логики образной. Как следует из анализа репрезентативных данных культурологии, в Е-условиях у «женщины» доминирует бессознание (S-план АМИ). Поскольку к бессознанию относятся все телесные функции, то у женщины (в отличие от мужчины) они обеспечивают и воспроизводство человека.

В общем, женщина — удивительно гармоничное создание со всеми нашими *противоречиями прошлого и будущего, белого и черного, сознания и бессознания человека*. Детальнее этот тезис расписывает Мирча Элиаде: *«Полностью рациональный человек — это абстракция; его нет в реальной жизни. Всякое человеческое существо характеризуется, с одной стороны, сознательной*

---

¹ В.Г. Кульпина подчеркивает, что в ряде устойчивых сочетаний и оборотов с термином черного цвета присутствует семантика таинственности, магичности, ср.: 'черная кошка', 'черная магия' и др. [10, с. 145]. По данным И.И. Чельшевой, в итальянском для «черного, темного» существует прилагательное — *scuro, oscuro* < *obscurus*, среди переносных значений которого — 'тайный', 'скрытый', 'непонятный': *pensieri oscuri* 'тайные мысли', *oscuro avvenire* 'неизвестное будущее' [10, с. 257].

деятельностью, а с другой — иррациональным опытом. Содержание и структура бессознательного являются результатом бытийных ситуаций, имевших место в незапамятные времена, особенно критических ситуаций. Именно поэтому бессознательное обладает некой религиозной аурой». В этом смысле «загадочным» для некоторых лиц остается то обстоятельство, что мрачность черного цвета никак не сказывается на чрезвычайной популярности этого цвета у женщин.

Это до сих пор удивляет психологов: нравится одно, выбирают другое, а носят третье. Очевидно, здесь-то раньше и усматривали так называемую «противоречивость женской логики», которой теперь, разумеется, мы никак не можем отказать в четкой и ясной последовательности. Ибо на уровне сознания женщине нравится белый (требование общества соблюдать безупречную чистоту), бессознательно предпочитается черный, подчеркивающий фигурку (зачатие от избранника, а значит, и секс — ипостатическая потребность и души, и тела ее), для мужа выбирается серый (соединяющий разумно-белый социум и непознаваемо-черный сексус, т.е. душу и тело женщины).

Итак, существует два тела — мужское и женское. По сравнению с толстокожим мужчиной кожный покров женского тела по самой природе сродни младенческому. Поэтому, в частности, женское тело кажется светлее мужского. И в мифах обычно белый цвет (не путать с белым светом) олицетворял цвет Великой Матери, цвет женщины, ибо белой создана она из белой кости: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену» (Бытие 2: 22). Это правило было также канонизировано в истории мировой живописи. Женское тело во всех традиционных культурах изображалось в более светлой гамме цветов (белое, желтое), чем мужское (серое, черное, красное, коричневое).

Заключение

Семантическая связь между полученными нами репрезентативными данными по ахромным цветам и хром-планами АМИ: сознание (белый цвет социума — М-план АМИ), подсознание (серый цвет креативности — Id-план АМИ) и бессознание (черный цвет

неизвестности — S-план АМИ) находит свое подтверждение практически во всех мифологиях, где Белая женщина (Великая Мать-богиня) являлась подательницей благ, высшей мудростью, охранительницей традиций. И одновременно «черное женское начало» в этих же мифах символизировало нечто иррациональное, непознаваемое, «тайну времен», а известные всем женские качества эмоциональности и интуиции противопоставлялись рациональному мышлению мужчин.

Легко видеть всю относительность этих представлений в ахромных категориях и/или планах АМИ: по сравнению с 'серым' мужским подсознанием (как Ид-планом АМИ) 'черное' женское бессознание (С-план) в силу аффектов всегда было, есть и будет более эмоционально и принципиально-непознаваемо. Ибо относительно 'черного' в силу законов контраста 'серое' «является» 'белым'. В то же время 'белое' материнское сознание (М-план АМИ) — более мудро, более реалистично, более социально, чем 'серое' мужское, которое теперь уже «оказывается» не 'белым', а 'черным'.

Но выше мы уже видели, что 'цвет' является оптимальным инструментом для моделирования 'идеального'. Поэтому для моделирования и, соответственно, кодирования информации, циркулирующей в интеллекте, сопоставим свойства внешнего и внутреннего цветового пространства на таком детально изученном (позволяющем проводить воспроизводимые измерения) объекте, как цветочное тело. Цветочное тело включает вертикально расположенную ахромную ось и ортогонально лежащий на ее середине цветочный круг с максимально насыщенными («яркими») цветами по периметру и средне-серым в центре. Поскольку любой заданный цвет можно описать тремя параметрами (цветочный тон, насыщенность и светлота), то существование в интеллекте минимум трех уровней переработки информации должно коррелировать как с представлениями психоаналитической теории, так и с цветочным телом.

Как любое онтологически идеальное явление, интеллект амбивалентно связан с материальным. Так, с одной стороны, душу невозможно оторвать от тела без ее умерщвления. Поэтому данные психофизики и/или физиологии дают науке о культуре (как идеальном) мощные вспомогательные инструментариумы для базового уров-

ня изучения интеллекта на уровне бессознания как компонента АМИ.

С другой стороны, душа человеческая имманентно принадлежит социуму. Поэтому социальная психология представляет интерес для культурологии, который связан с актуальностью исследований социализации интеллекта как онтологически материального предиката, то есть интериоризованного общественного сознания относительно более идеального — индивидуального подсознания как компонента АМИ.

Все это приводит нас к определению интеллекта, которое может служить основой для его дальнейшей разработки. Итак, интеллект является динамической системой функционально выделенных «атомарных» компонентов, каждый из которых включает в себя характеристические смыслы обработки информации как по отношению друг к другу, так и к внешней среде. Или, говоря вообще, *интеллект — взаимообусловленная система таких функций, как социальность сознания, эстетика подсознания и природа бессознания.*

***

1. Айзенк Г. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–129.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. I.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа // Логос. 1999. № 4(14). С. 119–132.
5. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М. : Рольф, 2001.
6. Древнекитайская философия. Эпоха Хань. М. : Наука, 1990.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности. М. : Мысль, 1994.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001.
9. Митрополит Иерофей (Влахос). Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.
10. Наименования цвета в индоевропейских языках : сб. ст. М. : КомКнига, 2007.

11. Самарина Л. В. Гендерный диморфизм // ЭО. 2010 . № 1. С. 67–83.
12. Сафиуллина К. Цветовая символика в исламе. URL: <http://www.islamnews.ru>
13. Уилбер К. Око духа. М. : АСТ, 2002.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990.
15. Флоренский П. А. Напластования эгейской культуры // Богословский вестник. 1913. Т. 2. № 6. С. 346–389.
16. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб. : Академический проект, 2003.
17. Элиаде М. История веры и религиозных идей: в 3 т. Т. 3. От Магомета до Реформации. М. : Критерион, 2002.
18. Barbieri M. The organic codes. An introduction to semantic biology. Cambridge, UK : CUP, 2004.
19. Brémond É. L'intelligence de la couleur. P. : Albin Michel, 2002.
20. Elie M. Couleurs & théories. Anthologie commentée. Nice: Ovadia, 2010.
21. Finlay V. Das Geheimnis der Farben: Eine Kulturgeschichte. B. : List Taschenbuch, 2011.
22. Forman Y. (Red.) La couleur: nature, histoire et décoration.. P. : Le Temps Apprivoisé, 1993.
23. Gage J. Color and culture. L.: Thames & Hudson, 2005.
24. Heller E. Wie Farben wirken. Farbpsychologie. Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 1999.
25. Marshall J. Why Are Animals Colourful. Sex and Violence, Seeing and Signals. // Colour: Design & Creativity, 2010, Issue 5. URL: <http://www.colour-journal.org>
26. Münch T.A., a.o. Approach sensitivity in the retina processed by a multifunctional neural circuit // Nature Neuroscience. 2009. V.12. № 10, p. 1308–1316.
27. Pastoureau M. Dictionnaire des couleurs de notre temps. Symbolique et société. P. : Bonneton, 1999.
28. Jung C.G. The Red Book. Liber Novus. / Ed. S. Shamdasani. N.Y., L.: W.W.Norton & Co., 2009.
29. Unwin, B., Davis, M., De Leeuw, J. Pathological gambling. // American Family Physician. 2000. V.61, p. 741–749.